Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22).
Dostoevsky and World Culture. Philological journal, no. 2 (22), 2023.

Научная статья / Research Article
УДК 821.161.1.0+23/28
ББК 83.3(2=411.2)+86.37
https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-25-44
https://elibrary.ru/KJCPTM

© 2023. Катерина Корбелла
Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Россия

«Преступление и наказание» в работах Р. Гуардини и Д. Барсотти

© 2023. Caterina Corbella
A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Crime and Punishment in the Works of Romano Guardini and Divo Barsotti

Информация об авторе: Катерина Корбелла, научный сотрудник научно-исследовательского центра «Ф.М. Достоевский и мировая культура», Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25 а, 121069 г. Москва, Россия.
https://orcid.org/0000-0001-5996-0127
E-mail: cate.corbella@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена толкованию романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в исследованиях католических богословов Р. Гуардини («Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben») и Д. Барсотти («Dostoevskij. La passione per Cristo»). Анализу толкований предшествует краткое описание структуры этих работ, и обосновывается, почему именно они среди всех трудов католических авторов достойны отдельного внимания. Отмечается, что в истолкованиях романа совсем небольшое место отведено Раскольникову, его теории и причинам совершенного преступления. Эта часть истории романа рассматривается в основном в свете другого героя Пятикнижия, Ивана Карамазова. Примечательным является тот факт, что для обоих богословов ключом к роману становится образ Сони Мармеладовой, которая для Барсотти олицетворяет присутствие Бога как Премудрости Любви, а для Гуардини отсылает к понятию «Божьего чада» и Заповедям блаженства. В Соне мы находим высший в творчестве Достоевского образ святости, поскольку в принятии всего, что требуется от нее, вплоть до отдачи себя, своего

тела и чести, она живет в неотрывном отношении с Богом, тем Богом, который воплощается во Христе. Именно поэтому центральную роль в романе играет текст Евангелия, что отмечают оба автора. Также общее в книгах обнаруживается во внимании к истории с «желтым билетом» как к детали, наделенной Достоевским глубоким смыслом, подчеркивающей полную отдачу Сони Другому и другим.

Ключевые слова: «Преступление и наказание», Соня Мармеладова, католическое богословие, Романо Гуардини, Диво Барсотти, богословие и литература.

Для цитирования: *Корбелла К.* «Преступление и наказание» в работах Р. Гуардини и Д. Барсотти // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2023. № 2 (22). С. 25–44. https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-25-44

Information about the author: Caterina Corbella, Associate Researcher, Centre “Dostoevsky and World Culture,” A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Povarskaya 25 a, 121069 Moscow, Russia.

https://orcid.org/0000-0001-5996-0127

E-mail: cate.corbella@gmail.com

Abstract: The article is dedicated to the interpretation of Dostoevsky’s novel *Crime and Punishment* elaborated by two Catholic theologians: Romano Guardini (*Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben*) and Divo Barsotti (*Dostoevskij. La passione per Cristo*). The analysis is preceded by a description of the structure of both works, and it is explained why they are worth of special mention among other pieces of research by Catholic authors on Dostoevsky. It is noticed that their interpretations give little space to Raskolnikov, his theory, and the reason for which he committed his crime. This part of the novel is considered mainly in the light of another character of Dostoevsky’s world, Ivan Karamazov. Remarkably, both authors find the key to the novel in the figure of Sonya Marmeladova. According to Barsotti she represents the presence of God as Wisdom of Love, while for Guardini her character alludes to the concept of “God’s children” and the Beatitudes Sermon. Sonya is the highest image of holiness in Dostoevsky’s work because she accepts all that is demanded from her to the point of giving herself, her body, and her honor; she lives in constant relation with that God who is incarnated in Christ. This is why the text of the Gospel plays a central role in the novel, as both authors notice. Another common element in the books is the attention paid to the story of the “yellow ticket” as an element endowed by Dostoevsky with a profound meaning, with the aim of emphasizing Sonya’s total dedication to the Other and the others.

Keywords: *Crime and Punishment*, Sonya Marmeladova, Catholic theology, Romano Guardini, Divo Barsotti, theology and literature.

For citation: Corbella, Caterina. “*Crime and Punishment* in the Works of Romano Guardini and Divo Barsotti.” *Dostoevsky and World Culture. Philological journal*, no. 2 (22), 2023, pp. 25–44. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2619-0311-2023-2-25-44

Статья рассматривает истолкование романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» в работах Романо Гуардини «Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben» [Guardini, 1989], [Гвардини, 2009] и Диво Барсотти «Dostoevskij. La passione per Cristo» [Barsotti, 2018], [Барсотти, 1999]. В рамках того, что можно назвать "католической рецепцией" творчества Ф.М. Достоевского (понятие, которое может указывать на очень различающиеся между собою явления: присутствие Достоевского в работах католических богословов и в гомилетике католических священников; его влияние на творчество католических писателей; академические работы по Достоевскому, написанные католическими филологами, философами, культурологами), этим двум авторам нужно отдать особое и первостепенное место. Священники и богословы, играющие важную роль в истории католической Церкви XX века[1], в отличие от других не менее важных для этого мира личностей, также обратившихся к Достоевскому в своих работах[2], они единственные являются авторами отдельных исследований, целиком посвященных русскому писателю и его творчеству.

Эти работы написаны после долгого общения с произведениями Достоевского и являются попыткой войти в мир русского писателя и лучше понять его изнутри. Их можно отнести к некоторому гибридному пространству между филологией, богословием и философией. Скажем кратко о структуре каждой из них, прежде чем перейти к «Преступлению и наказанию».

Как заявляет сам автор в подзаголовке, книга Романо Гуардини исследует «религиозную экзистенцию» человека, как она представлена в Пятикнижии. Поле исследования огромно, и для того, чтобы в нем не терять ориентир, автор находит для себя некую «системати-

---

[1] Р. Гуардини (иногда по-русски «Гвардини») (1885–1968) немецкий философ и богослов итальянского происхождения, автор многочисленных работ по антропологии, философии культуры, богословия; в 1920-е годы был лидером молодежного католического движения Quickborn; преподавал в Берлине, Тюбингене, Мюнхене; участвовал в подготовке Второго Ватиканского Собора по вопросам литургии.

Д. Барсотти (1914–2006), монах и священник, автор более 150 книг, за которым также числится заслуга знакомства итальянского католического общества с богатством православной традиции (в 1948 году публикует книгу «Русское христианство»). Начиная с 1950-х вокруг него рождается «Община чад Божиих», одно из так называемых "Движений и Новых Общин" — явлений, характеризовавших жизнь католической Церкви начиная со второй половины XX века и до сего дня.

[2] См.: А. Де Любак [De Lubac, 1945], [Де Любак, 1997], Х.У. фон Бальтазар [Balthasar, 1965], [Balthasar, 1998] и других.

зирующую, связующую линию» в отношении отдельных героев к основным силам бытия, к земле, к народу [Гвардини, 2009, с. 10]. Книга представляет собой шесть глав, которые исследуют религиозность нескольких персонажей через это отношение. Когда человек живет верой, т.е. внутри пространства Искупления, отношение с реальностью и с другими является цельным и положительным — это случаи «верующих баб» из «Братьев Карамазовых» (глава I, «Народ и его путь к святости»), Сони Мармеладовой и Сони Долгорукой (глава II, «Смирные и величие их позиции»), Макара Долгорукого, Зосимы и его брата Маркела, Алеши Карамазова (глава III, «Люди Божии»; глава IV, «Херувим»). Это отношение сохраняется, но в искаженном виде, в популизме Шатова и в натурализме Марии Лебядкиной, которые Гуардини трактует как формы язычества (об этом идет речь в конце главы I). Отношение также может прерваться, и тогда мы находимся перед бунтом Ивана Карамазова (глава V, «Бунт»), или атеизмом Ставрогина и Кириллова (глава VI, «Безбожие»). Вне этой общей линии остаются Настасья Филипповна и князь Мышкин из «Идиота»: седьмая глава, под названием «Символ Христа», посвящена им.

Размышления Гуардини развиваются как диалог с Достоевским, с читателем, и с внутренней потребностью автора в познании истины, что является характерной чертой в его работах[3]. Речь Гуардини ясная, стройная: он как можно последовательнее старается вести читателя по той дороге, которую он нашел в «лесу» [Гвардини, 2009, с. 9] произведений Достоевского, неисчерпаемость которого он честно признает с самого начала исследования.

---

[3] Так говорит о Гуардини его бывший ученик Йозеф Ратцингер (Бенедикт XVI): «<…> мы [молодые студенты] не хотели смотреть на “шоу фейерверков” о существующих мнениях внутри или вне христианства: мы хотели познать то, что есть. И перед нами был человек, который без страха и одновременно со всей серьезностью критического мышления ставил этот вопрос и помогал нам думать вместе. <…> Гуардини читал произведения авторов, слушал их, учился у них тому, как они смотрели на мир, и входил с ними в диалог, чтобы внутри диалога с ними развивать то, что он мог бы им говорить, как католический мыслитель. <…> в этом особенность стиля его лекций: тот факт, что он был в диалоге с мыслителями. Его ключевое слово: “Посмотрите…”, потому что он хотел вести нам до “видения”, и он сам находился во внутреннем диалоге со слушателями. Эта была новизна по сравнению со старой “риторикой”: он не искал никакой риторики, а разговаривал с нами во всей простоте, и вместе с этим он разговаривал с истиной и призывал нас к диалогу с истиной» [Benedetto XVI, 2010]. Здесь и далее перевод мой, если не указано иное. — *К.К.*

Работа Диво Барсотти также сосредоточивается на Пятикнижии. По его мнению, оно отличается от всего остального, написанного Достоевским. Два произведения обрамляют его: «Записки из подполья» и «Сон смешного человека» [Барсотти, 1999, с. 209]. После первой части, посвященной связи между личностью писателя и его деятельностью («Человек и писатель»), вторая часть исследования продумана как отдельное представление каждого из пяти великих романов через его героев («Герои Пятикнижия»). Барсотти обращается к ним исходя из позиции, схожей с позицией Гуардини: «В рассматриваемых произведениях Достоевского, можно сказать, вся жизнь персонажей зависит от решения религиозной проблемы; поэтому вера — действительно, основополагающая проблема его романов. В ее разрешении коренится всякое решение, да и сама жизнь каждого персонажа» [Барсотти, 1999, с.180]. Также, как и у Гуардини, список лиц неизбежно получается выборочным: Барсотти сосредоточивает свое внимание на персонажах, которые более явно показывают в себе проявления Божьего или дьявольского образа, становясь святыми или проклятыми. После представления каждого отдельного романа на первый план выдвигаются три героя, знаменующих собой весь путь Достоевского, его попытку изобразить личность Христа: Соня Мармеладова, князь Мышкин, Алеша Карамазов. Согласно Барсотти, Пятикнижие является путем взросления, в течение которого некие важные для Достоевского темы постоянно вновь поднимаются и углубляются. Постоянное возвращение к одним и тем же темам является также характеристикой стиля самого Барсотти. В книге отсутствует четкая логика изложения, и только названия частей становятся слабым ориентиром в дискурсе, который постоянно вертится вокруг одних и тех же вопросов. Таким образом, суждение автора по поводу каждого из пяти великих романов, присутствующее в первых двух главах, обогащается в течение всей книги благодаря особой динамике ее изложения в следующих частях: «Заветные мысли Достоевского» и «Богословие Достоевского».

Как можно заметить, в обеих работах герои произведений становятся структурирующим элементом для описания творческого мира Достоевского. Это происходит и в связи с «Преступлением и наказанием», где внимание авторов сосредоточивается на Соне Мармеладовой. Гуардини интересуется почти исключительно ей; Барсотти, хотя кратко и описывает других героев романа

(Мармеладова, Дуню, Разумихина, Свидригайлова и Лужина), озабочен прежде всего Раскольниковым и Соней, и в большинстве случаев рассматривает его лишь в свете встречи с ней. Именно это внимание к образу Сони как к некому ключу к произведению стоит выделить как общую установку в толкованиях Гуардини и Барсотти. Слово «ключ» кажется здесь наиболее подходящим: в силу их структуры, в обеих книгах найдется немало суждений о романе, разбросанных по тексту. Однако, когда эти суждения рассматриваются исходя из страниц, где наиболее прямо говорится о Соне, становится понятно каким было у Барсотти и Гуардини восприятие романа в целом.

Надо отметить, что, хотя Барсотти несомненно прочитал работу Гуардини, переведенную на итальянский в 1951 году, вряд ли можно предполагать сильное влияние одного исследования на другое, особенно в случае «Преступления и наказания». Оба автора с самого начала заявляют, что в своих книгах они старались выразить то, что тексты Достоевского породили в них в течение долгих лет чтения. В частности, Барсотти неоднократно утверждает, что именно «Преступление и наказание» является его любимой книгой среди произведений русского автора, из чего можно предполагать личное восприятие ее с его стороны. Таким образом, совпадающие элементы в их толкованиях надо скорее рассматривать как самостоятельные открытия авторов, разделявших, безусловно, схожее восприятие мира и человека в силу их общей конфессиональной принадлежности.

Раскольников и Иван Карамазов

Высоко оценивший произведение «Преступление и наказание», Барсотти считает, что с точки зрения композиции текста оно самое совершенное среди романов Пятикнижия [Барсотти, 1999, с. 20]. Сюжет развивается последовательно от преступления к наказанию и до эпилога, знаменующего собой новую историю. В центре действия находится Раскольников, совершивший преступление, однако, он не является главным героем: важная и повторяющая мысль Барсотти, к которой еще вернемся.

Причины убийства рассматриваются в книге «Достоевский. Христос — страсть жизни» через призму романа «Братья Карамазовы». Автор выделяет преступление как одну из возвращающихся тем в творчестве Достоевского и считает, что история Раскольникова предвещает теорию Ивана: «Если Бога нет, то все

позволено» [Барсотти, 1999, с. 147]. Согласно Барсотти, романы опровергают этот тезис мучениями героев, которые показывают, что «не все позволено, следовательно Бог есть» [Барсотти, 1999, с. 156].

Оставляя в стороне тот факт, что мысль в такой точной формулировке отсутствует даже в «Братьях Карамазовых», можно возразить Барсотти, что отношение Раскольникова с Богом в романе отличается от отношения Ивана с Ним, как оно представлено в приведенной цитате. К Богу Раскольников обращается и перед преступлением[4], и после *исповедует веру* в Него[5]. Однако этот элемент не ускользает от внимания Барсотти, который в другом месте пишет, что Раскольников «как будто отвергает Бога, хотя на деле продолжает в Него верить» [Барсотти, 1999, с. 40], и дальше: «Раскольников отвергает Бога, отрицает, что Он участвует в жизни людей и вместе с тем просит Соню прочитать ему евангельский рассказ о воскресении Лазаря» [Барсотти, 1999, с. 40].

Слова о том, что отрицание Раскольникова направлено не только и не столько на само существование Бога, сколько на Его участие в жизни людей, позволяют понять лучше, в каком смысле приведенная здесь связь между Раскольниковым и Иваном не совсем произвольна. Иван в ответ на вопрос отца открыто отрекается от Бога[6], однако дальше в тексте признает, что он не Бога отрицает, а ту гармонию, которая в Нем откроется в конце времен[7]. В этом колебании между неверием и бунтом герои Достоевского действительно близки[8]. В отличии от Ивана, Раскольников открыто не бунтует против Божьего Провидения, однако он отрицает обязательность нравственного зако-

[4] «Господи, покажи мне путь мой, а я отрекаюсь от этой проклятой... мечты моей!» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 50].

[5] «— Так вы все-таки верите же в Новый Иерусалим? — Верую, — твердо отвечал Раскольников <…>. — И-и-и в Бога веруете? Извините, что так любопытствую. — Верую, — повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия. — И-и в воскресение Лазаря веруете? — Ве-верую. Зачем вам всё это? — Буквально веруете? — Буквально» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 201].

[6] «<…> А все-таки говори: есть Бог или нет? Только серьезно! Мне надо теперь серьезно. — Нет, нету Бога» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 123].

[7] «Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет Ему почтительнейше возвращаю» [Достоевский, 1972–1990, т. 14, с. 223].

[8] См. разговор Раскольникова с Соней: «— С Полечкой, наверно, то же самое будет, — сказал он вдруг. — Нет! нет! Не может быть, нет! — как отчаянная, громко вскрикнула Соня, как будто ее вдруг ножом ранили. — Бог, Бог такого ужаса не допустит!.. — **Других допускает же**. — Нет, нет! Ее Бог защитит, Бог!.. — повторяла она, не помня себя. — Да, может, **и Бога-то совсем нет**, — с каким-то даже злорадством ответил Раскольников, засмеялся и посмотрел на нее» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 33].

на, через который он хочет «переступить» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 322]. Согласно Барсотти, это равно отрицанию Бога, поскольку если Бог — источник закона, написанного в сердцах людей (можно даже сказать, что Он и есть этот самый закон), тогда Раскольников все же отказывается от Него, когда лишает значения заповедь «Не убий».

Суждение Гуардини об Иване близко к словам Барсотти о Раскольникове: Иван не отрицает Бога, а старается «лишить Его той прерогативы Божественного, согласно которой Его суть и мощь находят себе выражение в нравственном долге» [Гвардини, 2009, с. 112]. Таким образом, Иван и Раскольников не атеисты[9], а именно бунтовщики: понятие, через которое Гуардини рассматривает героя «Братьев Карамазовых» в V главе («Бунт»). Хотя автор упоминает Раскольникова лишь пару раз в своем исследовании, можно заметить, что главный герой «Преступления и наказания» является для него предшественником Ивана. Согласно Гуардини, Раскольников создал теорию, в которой утрачивается четкость различения добра и зла, тогда как Иван идет дальше, обосновывая свою позицию как осознанный бунт против Бога, однако, это развитие схожих «демонических извращений истины» [Гвардини, 2009, с. 37] [10].

Извращение истины рождается от сведения реальности к тому, что человек может понять умом, однако своим умом человек неспособен разрешить противоречия, которые он обнаруживает в мире

[9] Согласно обоим авторам, именно это отличает их от Кириллова. Барсотти пишет: «В “Братьях Карамазовых” добро и зло отделены друг от друга намного больше, Кириллов же в “Бесах” действительно потерял Бога, добро и зло в нем неразличимы, он утратил всякое чувство вины» [Барсотти, 1999, с. 82] и дальше: «Для Родиона, для Ивана, если Бога нет, все позволено; Кириллов идет намного дальше, для него эти слова не имеют смысла: в самом деле, он отделался от Бога и больше не знает закона» [Барсотти, 1999, с. 218]. Гуардини: «Его [Ивана] отношение к Богу типично для человека, который, будучи связан с Ним долгой традицией, сложным переплетением факторов социологии и культуры, всевозможными душевными нитями, восстает против этой связи. Он больше не способен относиться к Богу с тем же непосредственным доверием, что и народ; но в то же время он отказывается приложить усилия к тому, чтобы на другой ступени существования путем напряжения, преданности, жертвы создать новое отношение к Богу. С другой стороны, он не идет и на окончательный разрыв. Его отрицание не столь бесплотно, чтобы просто отпасть, как это происходит с Ракитиным. Но оно и не столь глубоко и однозначно, чтоб обрести такую же органичность, как у Кириллова» [Гвардини, 2009, с. 129]

[10] Причины утверждения того, что извращения именно «демонические» нетрудно отыскивать в обоих романах. Про Раскольникова так говорит Соня в романе: «От Бога вы отошли, и вас Бог поразил, дьяволу предал!..» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 321]. В случае Ивана достаточно вспомнить сцену с чертом, на которую Гуардини обращает пристальное внимание в своем исследовании.

и в себе самом. Таким образом, ему остается только провозгласить, что эти противоречия и есть суть реальности:

«Иван не может свести все свои противоречивые устремления воедино. Ему не дают покоя трещины в здании бытия, но он не в состоянии замазать их: для этого нужна чуткость сердца, излучающего любовь и силою этой любви преобразующего среду. В итоге Иван возводит факт существования трещин в бытии в тот принцип, на котором оно строится. Происходит это именно в той области, где заявляет о себе глубочайший конфликт его жизни. Иван преисполнен интенсивного высокомерия, порождаемого одиноким, отчужденным, выхолощенным духом. <...> В то же время его терзает жгучее чувство собственной неполноценности. Таким образом, он живет в состоянии разлада с самим собой — невыносимого, мучительного разлада. Стремясь к превосходству, он в каком-то смысле не может подавить в себе лакея <...>. Решающим становится для него один-единственный вопрос: удастся ли гордости одержать победу над комплексом неполноценности и заставить его умолкнуть? [В сноске: «Проблема Раскольникова».] С этих позиций надломленность бытия представляется ему неоспоримой. Разумеется, эту надломленность ощущает и человек иного склада. Но он пытается найти в глубинах своей души то стремление к единству личности, которое способно преодолеть хаос, страдание, зло, грех. Он уповает на их преодоление спасительной и врачующей милостью Божией» [Гвардини, 2009, с. 111].

Этот отрывок из книги Гуардини интересен, в частности, тем, что эти слова очень близки к размышлениям молодого Бальтазара, его ученика, в работе «Apokalypse der deutschen Seele», где он намеревается исследовать развитие эсхатологических мифов в истории немецкой культуры[11]. Во втором томе он сопоставляет мировоззрение Достоевского и Ницше [Balthasar, 1998]. Итальянский исследователь Р. Сала так пересказывает кратко одну из главных мыслей в этих страницах: «Для него [Достоевского] принятие ситуации — единственный выход из неотъемлемого парадокса существования <...>. Здесь согласно Бальтазару проявляется одно из существенных отличий в структурах мышления русского писателя и немецкого философа: первый рассматривает разрыв между сущностью и формой как конкретную, фактическую ситуацию (“Situation”), тогда как

[11] О влиянии экзегетического метода Гуардини на диссертацию молодого Бальтазара см.: [Guerrero, 1999, с. 17].

для второго он является необратимым, неизменным состоянием ("Zustand") <...>. Оба *eschaton*, как вечные колебания между сущностью и формой, оказываются дионисийскими. Однако внутри этого сближения проявляется и расхождение: в то время как дионисийский *eschaton* Ницше является закрытым и абсолютным, *eschaton* Достоевского представляется ситуативным и в значительной мере открытым» [Sala, 2002, p. 295].

Попытка рассматривать произведения Достоевского в соотношении с трудами Ницше не чужда Гуардини, который определяет Ивана и Раскольникова как неудавшихся «сверхлюдей» [Гвардини, 2009, с. 118], и является ключевым моментом также в работе другого католического исследователя, А. Де Любака [Де Любак, 1997]. В рамках данной статьи особенно важно обратить внимание на то, что противопоставление «закрытого/открытого eschaton», которое Балтазар рассматривает как главное отличие между Ницше и Достоевским, во многом подходит также для описания главного отличия между Раскольниковым и Соней Мармеладовой согласно Гуардини и, частично, Барсотти.

Соня Мармеладова

Как уже было сказано, для Барсотти главный герой — не Раскольников: главный герой — Бог, «в Которого Раскольников не желает верить и к Которому он все же взывал в начале, Который оставался втайне, но был рядом с ним в смиренной девушке, свидетеле и орудии Его неодолимой любви» [Барсотти, 1999, с. 41]. Он также утверждает, что «в Соне больше, чем в текстах многих русских богословов, раскрывается Премудрость, которая руководит человеком в его жизни» [Барсотти, 1999, с. 47]. В книге у него удивительно точно получается показать читателю Софийность героини — именно *показать*, пересказывая сюжет романа и описывая взаимодействие героев.

В Соне Бог сам берет на себя бремя греха Раскольникова: в этом смысле она есть образ Христа. Отсылка к Тому, Кто «берет на себя грехи мира» (Ин. 1:29) не может не приходит в голову читателя, поскольку выражение «prendere su di sé», «брать на себя» неоднократно повторяется в тексте Барсотти. Цитирую только два отрывка из множества, в моем переводе с итальянского:

«Именно Соня **берет на себя** невыносимое бремя семейной ситуации, которая все равно остается непоправимой; точно так же

она **берет на себя** бремя преступления Раскольникова» [Barsotti, 2018, p. 46];

«Признание Раскольникова навсегда соединяет ее с ним, потому что, когда Раскольников признается в убийстве Соня обнимает его, принимая его судьбу, **берет на себя** его грех и становится с ним единой. Но ведь точно так же и сам Бог относится к грешникам» [Barsotti, 2018, p. 48].

Премудрость Сони, как она представлена в книге Барсотти, это — премудрость Креста, о которой Павел говорит, что она «для Иудеев — соблазн, а для Еллинов — безумие» (1 Кор. 1:29). В связи с этим ценным, хотя не совсем точным представляется замечание Барсотти об эпилоге: «Соня берет на себя грехи всех и, тем самым, создает новое сообщество; даже каторжные любят ее как сестру» [Барсотти, 1999, с. 46]. Неточность в том, что, согласно роману, каторжные любят Соню не как сестру, а как «матушку» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 419], слово, через которое Достоевский отсылает читателя к образу Богородицы [Касаткина, 1996, с. 229]. Однако причинно-следственная связь, на которую указывает Барсотти (община рождается от того, кто берет на себя грехи всех), и образ, который мелькает за его словами (Церковь рождается от искупительной жертвы Христа), представляются точными, тем более учитывая отсылку к Богоматери, Матери Церкви, у подножия Креста разделившей боль своего Сына.

Гуардини менее подробно, чем Барсотти раскрывает богословскую глубину образа Сони, но он также выделяет ее как «самый проникновенный женский образ из всех, созданных Достоевским» [Гвардини, 2009, с. 38], и рассматривает ее как особый тип святости. Она для него не София-Премудрость, а воплощение понятия «чада Божия»: «та тайна Царства Божиего, благодаря которой оно приходит к малым и неразумным, а не к великим и мудрым; мытари и грешницы приемлют его, в то время как благополучные и почитаемые не подпускают его к себе. Вот и Соня — чадо Божие в том особом смысле, что на ней лежит печать непостижимости Божественного Промысла. Здесь, в этом мире, она беззащитна — и в то же время находится под опекой Отца Небесного» [Гвардини, 2009, с. 38].

Вместе с Софьей Андреевной из «Подростка» она находится в центре второй главы книги, «Смирные и величие их позиции». Соня переживает «*ненасытимое* сострадание» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 243] к своей семье и к Раскольникову, живет

в полной отдаче себя, даже когда, кажется, её жертва не имеет никакого смысла. Однако Гуардини не выдвигает на первый план тему отдачи или самопожертвования. Отдача и самопожертвование Сони — лишь следствие другого, казалось бы, пассивного, действия героини — приятия: «Быть может, именно здесь и скрыта разгадка этого простого и все же загадочного существования — в беззащитности. Она “не защищается”. Она приемлет» [Гвардини, 2009, с. 39].

Соня, как и другая Соня, мать Аркадия, молча все принимает, в том числе то, что для них (как и для читателей) непостижимо: свое собственное жизненное положение. Своим принятием эти женщины спасают и спасаются. Они являются для Гуардини загадкой, которую нельзя разгадать западными категориями мышления: «Пункт, где она [Соня] стоит, нельзя постичь ни рациональными, ни этическими рассуждениями» [Гвардини, 2009, с. 49]. При всей неспособности человеческого ума рационально определить этот «пункт», Гуардини неоднократно подчеркивает: нельзя не признать, что «здесь присутствует нечто великое — и в этическом, и в христианском смыслах» [Гвардини, 2009, с. 35]. Важно здесь не пропустить связь с тем, что было сказано раньше об Иване и Раскольникове: Соня также видит все «трещины» существования, однако же знает, что настоящее познание Бытия возможно только в Боге, который разделяет все страдания и воскресает от любой смерти. Открытость к любящей и всемогущей Тайне позволяет ей жить этим принятием.

На этих страницах Гуардини можно обнаружить склад мышления, типичный для католического богословия XX века, которое стремиться показать «разумность» веры: не в том смысле, что разум способен породить веру, а в том, что вера и разум призваны сотрудничать, а не сопротивляться друг другу[12]. Вера дает разуму возможность наконец-то функционировать по-настоящему; видение, которое рождается от веры во Христа, более цельное и реалистичное, чем видение, которое не учитывает присутствия Бога в мире и Его Откровения в истории. Об этом, в частности, Гуардини написал в своих «Заметках к автобиографии», говоря о своей работе в университете Берлина: «У меня не было никаких иллюзий по по-

[12] См., например, слова кардинала Ратцингера: «Одна из функций веры, притом не самая последняя, — способствовать восстановлению разума как разума, не применять к нему насилие, не оставаться чуждой ему, а возвращать его к самому себе. Исторический инструмент веры способен вновь освободить разум как таковой, чтобы он, будучи поставленным верой на благой путь, мог видеть сам <…>. Разум не восстанавливается без веры, а вера без разума не становится человечной» [Ratzinger, 1997, p. 30].

воду моих личных способностей; однако мне было понятно, что мое христианское католическое сознание по широте и ясности несравнимо с сознанием даже самого гениального неверующего» [Guardini, 1986, p. 52]. Положение Сони, которое остается теоретически необъяснимым, все-таки надо признать проявлением высшего разума, позволяющего ей смотреть на реальное положение вещей, которое не ограничивается «насущным видимо-текущим» [Достоевский, 1972–1990, т. 23, с. 144–145].

В этом смысле Гуардини подчеркивает, что приятие Сони, ее незащищенность перед реальностью не равны слабости. Наоборот, в разговоре с Раскольниковым она сильна этим приятием, поскольку оно разумнее всех умозаключений молодого человека. Особое свидетельство об этой безоружной силе Гуардини находит в письмах Сони Дуне и Разумихину из Сибири. В них видно, что из безусловного принятия того, что есть, рождается ясный взгляд на всё: из простых описаний Сони, без лишних слов и толкований, неожиданно для адресатов «в результате получалось все-таки самое полное и точное представление о судьбе их несчастного брата» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 415].

Чтение Евангелия

Соня как образ Премудрости есть таинство Бога, утверждает Барсотти [Барсотти, 1999, с. 101]. Однако ее нельзя свести к некому литературному, отвлеченному образу: Достоевский рассказывает о реальной женщине, из плоти и крови, значит, можно и нужно задавать себе вопрос о том, как в романе представлено это человеческое существование, в котором обитает Бог.

В ответе на вопрос об истоках поведения и, глубже, существования Сони Барсотти и Гуардини очень близки: Соня живет в полной зависимости от Бога, она постоянно находится перед Ним. Оба автора обращают внимание на её известные слова в разговоре с Раскольниковым:

> «— Так ты очень молишься Богу-то, Соня? — спросил он ее. Соня молчала, он стоял подле нее и ждал ответа.
>
> — Что ж бы я без Бога-то была? — быстро, энергически прошептала она, мельком вскинув на него вдруг засверкавшими глазами, и крепко стиснула рукой его руку.
>
> “Ну, так и есть!” — подумал он.

> — А тебе Бог что за это делает? — спросил он, выпытывая дальше.
>
> Соня долго молчала, как бы не могла отвечать. Слабенькая грудь ее вся колыхалась от волнения.
>
> — Молчите! Не спрашивайте! Вы не стоите!.. — вскрикнула она вдруг, строго и гневно смотря на него.
>
> "Так и есть! так и есть!" — повторял он настойчиво про себя.
>
> — Всё делает! — быстро прошептала она, опять потупившись» [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 248].

Барсотти пишет: «Соня не "исповедует свою веру", но когда вдруг возникает просвет в ее внутренней жизни, оказывается, что Бог для нее все» [Барсотти, 1999, с. 43]. Она, больше всех остальных героев Пятикнижия, больше Алеши Карамазова и старца Зосимы, всё проживает в общении с Богом: никто «не имеет такого живого опыта общения с личным Богом», какой есть у неё [Барсотти, 1999, с. 43]. О том же говорит Гуардини, другими словами: «Соня ощущает живое присутствие Бога. <...> Он есть Он, и это и есть то самое "все" <...> Она пребывает в его присутствии — и мы благоговейно ощущаем, что это значит, когда человек может сказать о себе: всем я обязан Богу. Эти слова — свидетельство чисто религиозного существования» [Гвардини, 2009, с. 47].

Это постоянное пребывание в присутствии Бога и есть святость. Однако есть одно важное утверждение в работе Барсотти, которое позволяет идти еще глубже к истокам существования Сони: «La religione di Sonia è sentimento di adesione di tutto il suo essere a Cristo»: «Религия Сони есть чувство полной причастности, спаянности всего ее существа со Христом» [Barsotti, 2009, p. 48]. В изданном русском переводе фраза звучит так: «Всем своим существом Соня припадает к Богу — в этом ее религия» [Барсотти, 1999, с. 45]. Тут сильное искажение: в оригинале речь идет именно о Христе, воплощенном Боге, умирающем на Кресте ради спасения человечества; также, Соня не просто припадает к Нему, а всем существом соединяется с Ним. Может быть лучшим комментарием, чтобы понять эту фразу, являются слова Апостола Павла: «Уже не я живу, а живет во мне Христос» (Гал. 2:20).

Живой Бог, присутствующий Бог, с которым можно иметь опыт личного и живого общения это — Христос. Согласно Гуардини и Барсотти, этот момент в романе важно не пропустить: он ключевой, и проявляется прежде всего на тех же страницах, где Раскольников

просит Соню читать Евангелие. История Лазаря отражает путь Раскольникова, по просьбе которого она читается, но в ней также содержится «всё своё», «тайна» Сони [Достоевский, 1972–1990, т. 6, с. 250]. Барсотти пишет, что «Роман есть экзегеза этой страницы Евангелия» [Барсотти, 1999, с. 47], и без нее рассказ «потерял бы соль» [Барсотти, 1999, с. 168]. Сцена чтения говорит о «тайном, но настоящем присутствии Христа в человеческих событиях» [Barsotti, 2018, p. 51], и показывает, что религия Достоевского — Христианская весть, возобновляющая жизнь, а не какое-то абстрактное религиозное чувство[13]. Проникновенным представляется следующее замечание о структурном значении Евангелия в текстах Достоевского (речь идет не только о «Преступлении и наказании», но также о «Бесах» и «Братьях Карамазовых»), где подчеркивается, что эта структура рождается от любви писателя ко Христу, то есть, от той самой «страсти», которая дала название книге Барсотти:

«Это его [Достоевского] преклонение перед Священным Писанием помогает понять, почему евангельское слово играет столь важную роль в композиции и смысловой структуре романов. Достоевский ставил развитие сюжета в зависимость от этого слова, верил в его действенность. Любовь ко Христу отождествлялась у него с любовью к Евангелию, потому что в Евангелии он находил образ Христов» [Барсотти, 1999, с. 169].

Для Гуардини эти страницы настолько важны, что он помещает в свою книгу целый рассказ Достоевского о чтении про Лазаря, содержащий, в свой черед, текст Евангелия [Гвардини, 2009, с. 45–48]. Решение полностью предоставить слово писателю, и тем самым Евангельскому тексту в таком объеме, значимое и ценное. Уже в начале своего исследования Гуардини заявляет, что будет обширно цитировать анализируемый текст, поскольку опыт ему показал, что вряд ли читатель станет самостоятельно сверять все его отсылки с текстом Достоевского [Гвардини, 2009, с. 11–12]. Гуардини такими цитатами прежде всего *показывает* то, что уже содержится в тексте Достоевского, и это во многих случаях даже важнее, чем комментарий. В данном случае комментарий совсем маленький, он возвращает читателя к идее, озвученной в начале анализа: о пребывании Сони,

[13] Решающее значение романа «Преступление и наказание» и взаимоотношений Сони и Раскольникова для обозначения истинно христианской веры Ф.М. Достоевского можно обнаружить и в книге А. Де Любака «Драма атеистического гуманизма» [Де Любак, 1997, с. 284].

чада Божья, рядом со Христом, — однако в этот раз проще заметить, что эти слова Гуардини должны отсылать читателя к конкретному Евангельскому месту, Заповедям Блаженства: «<...> она живет там, где живут те, кого Христос назвал блаженными» [Гвардини, 2009, с. 45]; «Здесь действительно раскрывается тайна Сони. Ее место — там, где находятся, по слову Христа, малые мира сего, бесправные и отверженные, мытари и грешники. Ее тайна соединяет ее со Христом. Она солидарна с Ним. Отсюда ее величие. Этим она жива» [Гвардини, 2009, с. 48].

Соня, проститутка

Барсотти спрашивает себя и читателя, «почему из всех своих женских персонажей Достоевский избрал именно Соню, обладательницу желтого билета, т.е. проститутку, чтобы явить нам светлый образ святости» [Барсотти, 1999, с. 44]. Христианская Церковь (католическая, как и православная) имеет длинную традицию святых проституток (Раав, Мария Магдалина, Мария Египетская), также, наверняка Барсотти и Гуардини были знакомы с размышлениями св. Амвросия Медиоланского о Церкви как «casta meretrix» [Ambrosium, 1902, p. 115]. Нужно отдать должное: Гуардини и Барсотти нигде в своих исследованиях не упоминают эту традицию и не закрывают неудобный вопрос простым путем, без пояснений отсылая читателя к благочестивому прообразу. Они стараются раскрыть значение этого обстоятельства, исходя из того, как образ Сони предстает перед читателем в самом тексте Достоевского.

Барсотти предполагает, что у автора здесь нет полемической цели: это было бы недостойно такого великого писателя как Достоевский[14]. Тот факт, что Соня работает проституткой, присутствует в романе не для того, чтобы демонстративно попирать общественную мораль, а для того, чтобы стало видно, что «Соня ничего не может защитить от Любви — даже свою женскую честь» [Barsotti, 2009]. Соня не существует вне полной отдачи себя Христу и другим людям, и поскольку отдача полная, то не ей решать, в какой форме это будет происходить.

[14] Интересно, что и Барсотти, и Гуардини категорически не согласны с тем, что первичная цель Достоевского в данном вопросе, как и в других случаях (в частности, когда речь идет о его жестких высказываниях по поводу католической Церкви) может заключаться в разжигании полемики.

Схожая идея есть и в книге Гуардини, для которого, как уже было сказано, главная характеристика Сони заключается не в отдаче себя, а в приятии. Человек свят не потому, что принимает решение что-то отдавать (пусть даже все): он просто не защищается перед тем, что Господь просит от его жизни. Рассматривая жизнь Сони, для Гуардини важно, чтобы читатель не начинал «оправдывать» ее: это — способ мышления Раскольникова (который, ко всему прочему, не замечает разницу их, своего и Сониного, положений). Сама Соня «не оправдывает своей жизни, а просто живет ею — живет, страдая. Она не выводит из нее никаких теорий, хотя бы ради попытки осмыслить все это. Она принимает на себя всю тяжесть этого непостижимо искаженного существования, твердо зная то, что она сама должна. Но если бы она попыталась оправдать его, оно стало бы насквозь фальшивым, обманчивым, демоническим, и она утонула бы в этой стихии» [Гвардини, 2009, с. 48]. Цитата о премудрости Бога, «для Иудеев — соблазне, а для Еллинов — безумии», упомянутая выше в связи с книгой Барсотти, подходит и к этим размышлениям Гуардини: слова апостола хорошо описывают неспособность Раскольникова и западного мышления найти категориальный аппарат для описания жизни Сони, которая, однако, представляется в итоге более истинной, глубокой и соответствующей реальному положению вещей, чем те жизни, что такому описанию поддаются.

Ответы Гуардини и Барсотти на вопрос о том, почему важен «желтый билет», позволяют ярче увидеть, в каком смысле для них Соня стала ключом ко всему произведению. Жизнь этой женщины руководствуется мудростью, которая не принадлежит этому миру: именно в ее мудрость Достоевский просит нас войти в течении всего романа, и именно эта мудрость позволяет случиться воскресению Лазаря и Раскольникова. Поражает, что образ Сони проходит мимо внимания таких православных авторов, как сербский монах преподобный Юстин Попович [Иустин (Попович), 2007] и митрополит Антоний (Храповицкий) [Антоний (Храповицкий), 1965]. В частности, никто из них не связывает имя и образ Сони с Софией-Премудростью. Это отсутствие интереса к Соне и «премудрости» ее образа тем более удивительно, что Барсотти и Гуардини пишут о ней как о православном образе святости, точнее: о христианском образе

святости, который ярче сохранился в русском православном мире, и оба отмечают, что такой образ в Западном христианстве вряд ли мог бы появиться[15].

Без должного внимания к образу Сони христианский смысл произведения остается смутным. Решение Гуардини и Барсотти рассматривать отношения Раскольникова с Богом и с миром через призму Ивана Карамазова не только чревато рядом упрощений в связи с образами обоих героев, но также несет в себе риск сосредоточиться на причинах смерти Раскольникова и упустить динамику, которая приведет к воскресению героя в конце рассказа. Внимание, которое Гуардини и Барсотти уделяют образу Сони Мармеладовой, позволяет им, напротив, услышать в романе христианскую весть о милосердии Бога и заметить, что смысл произведения заключен именно в этой вести, провозглашённой в рассказе о воскрешении Лазаря.

Список литературы

1. Антоний (Храповицкий), 1965 — *Антоний (Храповицкий), митр.* Ф.М. Достоевский как проповедник возрождения / посмертное изд.; под ред. и с предисл. архиепископа Никона (Рклицкого). Montreal: Изд. Северо-Амер. и Канад. епархии, 1965. 311 с.

2. Барсотти, 1999 — *Барсотти Д.* Достоевский. Христос — страсть жизни. М.: Паолине, 1999. 249 с.

3. Гвардини, 2009 — *Гвардини Р.* Человек и вера: Исследование религиозной экзистенции в больших романах Достоевского // Эон. Альманах старой и новой культуры. 2009. Т. 9. С. 8–324.

4. Де Любак, 1997 — *Де Любак А.* Драма атеистического гуманизма. М.: Христианская Россия, 1997. 302 с.

5. Достоевский, 1972–1990 — *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

6. Иустин (Попович), 2007 — *Иустин (Попович), преподобный.* Философия и религия Ф.М. Достоевского. Минск: Изд. Д.В. Харченко, 2007. 312 с.

7. Касаткина, 1996 — *Касаткина Т.А.* Характерология Достоевского. М.: Наследие, 1996. 336 с.

8. Ambrosium, 1902 — *Ambrosius Mediolanensis.* Expositio Evangelii secundum Lucan [CSEL]. publ. Österreichische Akademie der Wissenschaften (ÖAW). 590 p. URL: https://archive.org/details/expositioevange00schegoog/page/114/mode/2up (дата обращения: 28.05.2023)

[15] С другой стороны, по странной схожей динамике, Гуардини и Барсотти совершенно не замечают образа католического святого Франциска Ассизского в пятикнижии Достоевского.

9. Balthasar, 1965 — *Balthasar H.U. von.* Der Christ als Idiot // Herrlichkeit: eine theologische Ästhetik. Einsiedeln: Johannes Verlag, 1965. Bd. III: Im Raum der Metaphysik, Teil 2: Neuzeit. S. 535–548.

10. Balthasar, 1998 — *Balthasar H.U. von.* Nietzsche et Dostojewskij // Apokalypse der deutschen Seele: Studien zu einer Lehre von lezten Haltungen. Freiburg: Johannes Verlag, 1998. Bd. II. S. 202–409.

11. Barsotti, 2018 — *Barsotti D.* Dostoevskij. La passione per Cristo. Cinisello Balsamo (Milano): Edizioni San Paolo, 2018. 259 p.

12. Benedetto XVI, 2010 — *Benedetto XVI.* Convegno promosso dalla fondazione “Romano Guardini” di Berlino sul tema “Eredità spirituale e intellettuale di Romano Guardini”. Discorso del Santo Padre Benedetto XVI. URL: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/it/speeches/2010/october/documents/hf_ben-xvi_spe_20101029_fondazione-guardini.html (дата обращения: 28.05.2023).

13. De Lubac, 1945 — *De Lubac H.* Le drame de l’humanisme athée. Paris: Spes, 1945. 412 p.

14. Guardini, 1986 — *Guardini R.* Appunti per un’autobiografia / trad. G. Penati. Brescia: Morcelliana, 1986. 165 p.

15. Guardini, 1989 — *Guardini R.* Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben. Mainz: Grünewald, Paderborn: Schoningh, 1989. 316 S.

16. Guerrero, 1999 — *Guerrero E.* Il dramma di Dio. Letteratura e teologia in Hans Urs von Balthasar. Milano: Jaca Book, 1999. 128 p.

17. Ratzinger, 1997 — *Ratzinger J.* La fede e la teologia ai giorni nostri // Enciclopedia del cristianesimo. Novara: De Agostini, 1997. Pp. 22–30.

18. Sala, 2002 — *Sala R.* Dialettica dell’antropocentrismo. La filosofia dell’epoca e l’antropologia cristiana nella ricerca di H.U. von Balthasar: premesse e compimenti. Milano: Edizioni Glossa, 2002. 464 p.

References

1. Antonii (Khrapovitskii), Archbishop. *F.M. Dostoevskii kak propovednik vozrozhdeniia* [*F.M. Dostoevsky as a Prophet of Re-Birth*]. Posthumous Edition edited and prefaced by Archbishop Nikon (Rklitski). Izdanie Severo-amerikanskoi i kanadskoi eparkhii Publ., 1965. 311 p. (In Russ.)

2. Barsotti, Divo. *Dostoevskii. Khristos — strast’ zhizni* [*Dostoevsky. Passion for Christ*]. Moscow, Paoline Publ., 1999. 249 p. (In Russ.)

3. Guardini, Romano. “Chelovek i vera: Issledovanie religioznoi ekzistentsii v bol’shikh romanakh Dostoevskogo” [“Man and Faith: A Research of Religious Existence in Dostoevsky’s Great Novels”]. *Eon. Almanakh staroi i novoi kul’tury*, vol. 9, 2009, pp. 8–324. (In Russ.)

4. De Lubac, Henri. *Drama ateisticheskogo gumanizma* [*The Drama of Atheist Humanism*]. Moscow, Khristianskaia Rossiia Publ., 1997. 302 p. (In Russ.)

5. Dostoevskii, F.M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 tomakh* [*Complete Works: in 30 vols*]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)

6. Justin (Popović), saint. *Filosofiia i religiia F.M. Dostoevskogo* [*The Philosophy and Religion of F.M. Dostoevsky*]. Minsk, Izdatel’ D.V. Kharchenko Publ., 2007. 312 p. (In Russ.)

7. Kasatkina, T.A. *Kharakterologiia Dostoevskogo* [*Dostoevsky's Characterology*]. Moscow, Nasledie Publ., 1996. 336 p. (In Russ.)

8. Ambrosius Mediolanensis. *Expositio Evangelii secundum Lucan* [CSEL]. Österreichische Akademie der Wissenschaften (ÖAW) Publ. 590 p. Available at: https://archive.org/details/expositioevange00schegoog/page/114/mode/2up (Accessed 28 May 2023) (In Latin)

9. Balthasar, Hans Urs von. "Der Christ als Idiot." *Herrlichkeit: eine theologische Ästhetik*, Bd. III: Im Raum der Metaphysik, Teil 2: Neuzeit. Einsiedeln, Johannes Verlag, 1965, S. 535–548. (In German)

10. Balthasar, Hans Urs von. "Nietzsche et Dostojewskij." *Apokalypse der deutschen Seele: Studien zu einer Lehre von lezten Haltungen*, Bd. II. Freiburg, Johannes Verlag, 1998, S. 202–409. (In German)

11. Barsotti, Divo. *Dostoevskij. La passione per Cristo*. Cinisello Balsamo (Milano), Edizioni San Paolo Publ., 2018. 259 p. (In Italian)

12. Benedetto XVI. "Convegno promosso dalla fondazione 'Romano Guardini' di Berlino sul tema 'Eredità spirituale e intellettuale di Romano Guardini'. Discorso del Santo Padre Benedetto XVI." *vatican.va*, 29 Oct. 2010. Available at: https://www.vatican.va/content/benedict-xvi/it/speeches/2010/october/documents/hf_ben-xvi_spe_20101029_fondazione-guardini.html (Accessed 28 May 2023) (In Italian)

13. De Lubac, Henri. *Le drame de l'humanisme athée*. Paris, Spes Publ., 1945. 412 p. (In French)

14. Guardini, Romano. *Appunti per un'autobiografia*. Trad. G. Penati. Brescia, Morcelliana Publ., 1986. 165 p. (In Italian)

15. Guardini, Romano. *Religiöse Gestalten in Dostojewskijs Werk: Studien über den Glauben*. Mainz, Grünewald, Paderborn, Schoningh, 1989. 317 S. (In German)

16. Guerrero, Elio. *Il dramma di Dio. Letteratura e teologia in Hans Urs von Balthasar*. Milano, Jaca Book Publ., 1999. 128 p. (In Italian)

17. Ratzinger, Joseph. "La fede e la teologia ai giorni nostri." *Enciclopedia del cristianesimo*. Novara, De Agostini Publ., 1997, pp. 22–30. (In Italian)

18. Sala, Rossano. *Dialettica dell'antropocentrismo. La filosofia dell'epoca e l'antropologia cristiana nella ricerca di H.U. von Balthasar: premesse e compimenti*. Milano, Edizioni Glossa Publ., 2002. 464 p. (In Italian)

Статья поступила в редакцию: 06.05.2023
Одобрена после рецензирования: 27.05.2023
Принята к публикации: 28.05.2023
Дата публикации: 25.06.2023

The article was submitted: 06 May 2023
Approved after reviewing: 27 May 2023
Accepted for publication: 28 May 2023
Date of publication: 25 Jun. 2023